

Фетюков Александр Борисович

XX СЪЕЗД КПСС И ЛЕНИНГРАДСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В статье исследуются взаимоотношения власти и художественной интеллигенции Ленинграда в новых условиях, сложившихся после XX съезда КПСС. Автор всесторонне характеризует первые попытки творческих деятелей переосмыслить прежние культурно-идеологические установки и расширить тематику своих произведений. Рассматриваются и контрмеры, предпринимавшиеся партийным руководством с целью "одёрнуть" отдельных деятелей литературы и искусства, а также новые методы мобилизации интеллигенции на решение культурно-идеологических задач.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. С. 183-186. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084.9

В статье исследуются взаимоотношения власти и художественной интеллигенции Ленинграда в новых условиях, сложившихся после XX съезда КПСС. Автор всесторонне характеризует первые попытки творческих деятелей переосмыслить прежние культурно-идеологические установки и расширить тематику своих произведений. Рассматриваются и контрмеры, предпринимаемые партийным руководством с целью «одёрнуть» отдельных деятелей литературы и искусства, а также новые методы мобилизации интеллигенции на решение культурно-идеологических задач.

Ключевые слова и фразы: XX съезд КПСС; культурная политика; художественная интеллигенция; творческие союзы; Союз писателей; Союз художников; Союз композиторов; Н. С. Хрущёв; Д. А. Гранин; О. Ф. Берггольц; В. К. Кетлинская.

Александр Борисович Фетюков

Кафедра русской истории

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

alexandr.rus@mail.ru

XX СЪЕЗД КПСС И ЛЕНИНГРАДСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ®

Огромное влияние на деятельность художественной интеллигенции оказал XX съезд КПСС. Это событие вызвало в среде творческих деятелей идейные разногласия, попытки переосмыслить состояние литературы и искусства и расширить границы дозволенного. В свою очередь, партийные руководители, вынужденные постоянно разъяснять итоги XX съезда, развернули кампанию по борьбе с ошибочными взглядами некоторых творческих работников. В данной статье рассматриваются взаимоотношения власти и художественной интеллигенции Ленинграда в первые месяцы после XX съезда. В основе исследования лежат архивные материалы Ленинградского обкома, отделений творческих союзов и их партийных организаций, а также воспоминания деятелей искусства.

Коммунисты Ленинграда были ознакомлены с текстом доклада Н. С. Хрущёва на заседаниях первичных парторганизаций в течение марта 1956 г. Такие собрания прошли и в творческих организациях – в Ленинградских отделениях Союзов писателей (ЛОСП), композиторов (ЛОСК) и художников (ЛОСХ).

По признанию писательницы О. Ф. Берггольц, некоторые «были подготовлены к тому, что ... услышали в докладе Н. С. Хрущёва "О культе личности и его последствиях", другие не были достаточно подготовлены», но на всех он произвёл сильное впечатление [12, д. 1, л. 53]. В высказываниях на партсобраниях негативные оценки некоторых особенностей предшествовавшего периода перемежались с радостным ожиданием большей свободы творчества.

Оживлённые дискуссии становились обычным явлением на собраниях творческой интеллигенции. Писатель В. Н. Дружнин отмечал, что раньше «литература отображала лишь передний фасад здания и обращалась не к читателям, а ориентировалась на ведомственных лиц и редакторов ... судьба произведения решалась в ведомственных кабинетах» [Там же]. Другую проблему затронул литератор А. А. Бартэн: он констатировал, что люди, которые незаслуженно возвышались прежде, продолжали занимать ответственные посты [4, с. 489]. Поэт А. Е. Решетов даже предложил партсобранию заслушать В. К. Кетлинскую, «которая лакировала действительность, получала сталинские премии» [12, д. 1, л. 57].

Нередко писатели оценивали новые веяния с профессиональной точки зрения; обнаруживали возможности расширения тематики произведений. С. М. Бытовой призвал своих коллег создавать образы людей, которые незаслуженно пострадали от культа личности [4, с. 490]. Ему вторил В. С. Бакинский: «Не должны ли писатели писать о той трагедии, которая разыгралась на нашем веку?... Бояться цензуры не следует – там сидят советские люди. Сейчас дышать легко и хорошо» [12, д. 1, л. 60]. Заметим, что эти решительные воззвания противоречили призывам партии проявлять осторожность при воплощении в искусстве «сложных» страниц прошлого.

Представляют интерес воспоминания творческих деятелей Ленинграда о том, какие чувства у них вызвали итоги XX съезда. К докладу Хрущёва о культе личности Сталина относились по-разному. Писательница Е. П. Серебровская говорит, что поверить в эти факты было трудно: при Сталине «о чёрной, мрачной, трагической стороне жизни никто не информировал», поэтому «первое движение души ... было – оспорить» [8, с. 55]. Другое отношение к съезду сложилось у Д. А. Гранина: «Общее ощущение светлого подъёма... Март как бы завершил постыдное двадцатилетие. На протяжении моей жизни не было события, чтобы так перевернуло взгляды» [3, с. 221].

В свете новых веяний некоторые деятели искусства пытались переосмыслить постановления о художественной культуре 1946-1948 гг. Наибольшую активность проявила О. Ф. Берггольц. На закрытом собрании парторганизации ЛОСП 21 марта 1956 г. писательница заявила, что в этих постановлениях наряду с правильными положениями имеются и неверные установки, в которых чувствуется «шевеление мизинцем» [Цит. по: 4, с. 489]. «Доклад Жданова продолжает действовать ... как же с этим примирить выход стихов Зощенко сейчас, в Главлите?» – спрашивала Ольга Фёдоровна [12, д. 2, л. 70]. Свои взгляды она изложила и на беспартийном собрании писателей в Москве. В записке отдела культуры ЦК КПСС было указано, что «это

развязное выступление было встречено аплодисментами части аудитории» [1, с. 519]. На одном из партбюро ЛОСП сомнения относительно старых постановлений ЦК высказала и В. К. Кетлинская; но она поступила более осторожно, и на беспартийных (открытых) собраниях, в отличие от Бергольца, выступать не стала.

Заметим, что «ревизионистское отношение» к постановлениям партии по вопросам искусства распространилось и на другие творческие организации Ленинграда. Так, среди композиторов ходили разговоры, что постановление об опере «Великая дружба» В. И. Мурадели утратило свою силу, что наступил период «свободного» высказывания художника [13, д. 4, л. 68]. Как видим, XX съезд объективно подводил творческих работников к осознанию необходимости обойти краеугольный камень сталинской художественной политики – постановления 1946-1948 гг.

Ленинградцы пытались прощупать новые границы дозволенного. Так, в личной беседе Кетлинская заявила заведующему отделом науки, школ и культуры Ленинградского обкома КПСС Г. А. Богданову, что на съезде были приняты замечательные решения, но сделано ещё очень мало. Она назвала общественный строй, существовавший в СССР, теоретически самым лучшим, но нуждавшимся в практических переменах. Вера Казимировна предложила начать с искоренения бюрократизма и пересмотра порядка выборов в Верховный Совет СССР [12, д. 6, л. 87].

Деятели искусства осмеливались выступать и с неприкрытой критикой в адрес партийных работников. Между тем осуществлялось это в контексте непрестанных жалоб на администрирование и мелкую опеку. Показательным было выступление писательницы Е. И. Катерли. На партсобрании 4 мая 1956 г. она заявила, что руководители ничего не понимают в искусстве. «А у нас кто угодно, все нас учат! – продолжала Катерли. – Все, начиная от секретаря обкома, кончая инструктором райкома, полагая, что искусство – это такая область, в которой каждый может быть судьёй. Ни инструкторы райкома, ни секретари обкома, ни редакторы издательств ... не должны нас учить, а им не грех у нас поучиться!» [Там же, д. 2, л. 128]. Многие писатели поддержали Елену Иосифовну аплодисментами.

В записке первого секретаря Ленинградского обкома Ф. Р. Козлова в ЦК КПСС вышеуказанные факты доводились до сведения Н. С. Хрущёва; согласно записке, Кетлинская и Катерли входили в состав «небольшой группы литераторов», представители которой вели борьбу за руководство журналами, «говорили и ратовали на всех собраниях о борьбе за расширение демократии, за "свободу" творчества и порой очень недвусмысленно выступали против партийного руководства литературой» [9, д. 25, л. 56].

Общественное оживление проникло и в среду художников. На дискуссии «Будущее советского искусства» кандидат в члены ЛОСХ, коммунист Панкратов заявил, что коллективизация сельского хозяйства была величайшей народной трагедией; утверждал, что длительное время в СССР существовала социалистическая монархия; положительно отзывался об американском пути развития. Многие – но не все! – участники дискуссии выразили свою солидарность аплодисментами [1, с. 582].

Каким образом идейные «шатания» творческих работников отражались на содержании их произведений? Одной из работ ленинградских авторов, подвергшихся критике (как на страницах центральной печати, так и с высоких трибун), стал рассказ Д. А. Гранина «Собственное мнение», опубликованный в восьмом номере журнала «Новый мир» за 1956 г. На него обрушились со всех сторон, обвиняя в безыдейности и «огульном охаивании» партийных и государственных работников.

В задачу руководителей города входило и утвердить в произведениях литературы и искусства там называемую «современную тему», тему «нашего современника» – положительного героя. Сюжетная линия оценивалась как важная и самооценная. Остальные художественные методы и средства не особенно принимались в расчёт.

По признанию партийных руководителей, творческие деятели должны были отражать запросы текущего времени, потому что ленинградцы «думали о том, как строить новое общество» и хотели видеть в искусстве «утверждение нового, коммунистического, социалистического» [10, д. 140, л. 35]. Кроме того, произведения литературы и искусства должны были содействовать идейному воспитанию, использоваться для пропаганды советской политики среди населения.

Творческий коллектив, работа которого не была направлена преимущественно на решение современной темы, считался отстающим. Между тем акцентирование современной тематики доходило до абсурда. Хорошим примером был назван поворот Ю. П. Германа от исторического романа о преобразованиях Петра I «Россия молодая» (1952 г.) к работе над киносценарием о строительстве коммунизма [12, д. 1, л. 2].

Чрезвычайно важно отметить, что к числу самых актуальных тем, в том числе и проходивших в рубрике «современные», относили ленинскую. Акцентирование общественного внимания на жизни и деятельности основателя партии было призвано заполнить идеологический вакуум, возникший после XX съезда. Весьма выразительно в этом отношении свидетельство киносценариста и журналиста Л. С. Мархасёва. Он подчёркивает, что после XX съезда, покончившего с культом Сталина, «многократно усилилось формальное пропагандистское служение культу Ленина... Более того, Ленин стал как будто противовесом и отрицанием Сталина» [7, с. 70].

В результате XX съезда внимание к ленинской теме многократно возросло. Она, без преувеличения, наряду с темой труда, стала одной из важнейших в произведениях литературы и искусства. Число упоминаний Ленина в произведениях писателей и на страницах литературно-художественных журналов увеличилось настолько, что некоторым такая пропаганда показалась излишней. Когда на правлении ЛОСП обсуждалась работа журнала «Нева», поэт С. С. Орлов отметил: «Даже в "Огоньке", который помещает огромное количество иллюстраций, я за последнее время не вижу таких бесконечных повторений дорогого для нас всех образа В. И. Ленина» [14, д. 267, л. 154].

В целях выяснения вопроса относительно значимости ленинской темы для литературы и искусства Ленинграда в период хрущёвской «оттепели» мы провели подсчёты. Выяснялась частота упоминаний имени Ленина в журнале «Звезда» (орган ленинградской писательской организации) в предсъездовский (1954-1955 гг.) и послесъездовский (1957-1958 гг.) периоды. В ходе исследования 48 номеров журнала мы пришли к выразительным выводам. Если в 1954-1955 гг. имя Ленина встречается на страницах «Звезды» 684 раза, то в 1957-1958 гг. – 1768 раз! Имя вождя революции упоминалось на несколько порядков чаще, чем любое другое. Налицо стремление политического руководства с помощью художественной интеллигенции скорректировать общественные ориентиры, на место старых святынь скорее водрузить новые.

Ещё одним направлением послесъездовской культурной политики стала интенсификация налаживания связей «труда и искусства»: партийные руководители добивались, чтобы творческие деятели как можно чаще выступали перед трудящимися. С одной стороны, таким путём пытались повысить идейно-политический и культурный уровень населения, старались организовать приличный, добропорядочный досуг. С другой стороны, процесс был направлен на саму интеллигенцию, которая (по мысли партийных организаторов) вынуждалась выходить за рамки своей страты, подпитываться народным энтузиазмом и верой в социализм, наконец, находить «современный» жизненный материал для своих произведений. Таким образом, преследовалась цель обоюдного сближения интеллигенции и рабочего класса.

В целях достижения максимального эффекта от пропагандистской деятельности работников искусства идеологической работе придавался характер кампаний. Время от времени проводились мероприятия для трудящихся (праздники книги, дни поэзии, недели детской книги и т.п.), организованные в сжатые сроки и с максимальной концентрацией сил. Для периода между кампаниями было характерно снижение интенсивности идеологической работы с населением, отсутствие планомерности в её проведении.

Конец 1956 г. ознаменовался рядом событий, побудивших власти обратить особенное внимание на общественную жизнь и профессиональную деятельность художественной интеллигенции. В конце октября – начале ноября произошёл так называемый «контрреволюционный мятеж» в Венгрии, показавший советскому руководству, куда могут привести литературные дискуссии и критика недостатков общества в художественных произведениях. «Напугали кремлёвскую публику венгерские события, – вспоминал Д. А. Гранин о ноябрьских переменах. – Сталинисты тотчас связали их с молодыми писателями, поэтами, творческой интеллигенцией – вот откуда идёт крамола. Затрубили горнисты, забили барабаны и пошла расправа...» [3, с. 60].

Власти города были озабочены и ещё одним, новым для Ленинграда явлением. В конце 1955 г., а особенно активно в 1956 г. в учебных заведениях стали появляться первые самиздатовские журналы и стенгазеты – «Голубой бутон» (Ленинградский государственный университет), «Свежие голоса» (Институт железнодорожного транспорта), «Ересь» (Библиотечный институт), «Литфронт Литфака» (Педагогический институт) и др. Некоторые из них не содержали откровенно политических материалов; в других, напротив, публиковалась информация о политической и экономической ситуации в стране и за рубежом.

Ленинградская молодёжь проявляла повышенный интерес к венгерским событиям. В ноябре 1956 г. студенты засыпали приехавшего к ним В. Д. Дудинцева неудобными вопросами, пытались узнать мнение писателя о венгерских событиях. Встреча была прервана руководством университета, а дальнейшие выступления Дудинцева в Ленинграде отменены [5, с. 31, 32]. Проводились и публичные акции: декабре власти пресекли попытку проведения митинга на пл. Искусств, приуроченного к развёрнутой в Эрмитаже выставке абстрактных полотен Пабло Пикассо. В назначенный день площадь была перекрыта войсками, и тогда молодёжь направилась ... в ЛОСХ, чтобы обсудить «новое» направление в живописи. Художники не смогли дать должного отпора крамольным высказываниям [6, с. 529-541].

Как видим, ленинградские деятели культуры остро реагировали на появление первых прорех в «железном занавесе». Так, на одном из партийных собраний художник С. Г. Невельштейн констатировал: «Прошёл период, когда мы совсем не знали, что делается в других странах. Но теперь... мы оказались неспособными противостоять идеям Запада, особенно это видно на примере выставки "Пикассо"» [11, д. 11, л. 82]. Подчеркнём, что к середине 1950-х гг. значительно увеличилось число туристических поездок творческих деятелей. По возвращении было принято выступать с докладами; совсем другими впечатлениями делились в неформальной обстановке. «Для нас всё было откровением, – вспоминает Гранин свою первую зарубежную поездку в 1956 г. – Мы ошарашенно смотрели друг на друга и не могли понять: где же тот самый прогнивший Запад, где человек человеку волк?» [2, с. 455].

Партийное руководство Ленинграда связало студенческие выступления и появление вузовских самиздатовских журналов с неудовлетворительной работой творческих союзов (прежде всего – писателей) по воспитанию молодёжи. Во-первых, было необходимо «одёрнуть» писателей, прежде всего О. Ф. Берггольц и В. К. Кетлинскую. Во-вторых, стояла задача мобилизовать представителей творческих профессий на работу по идейно-политическому воспитанию населения, что должно было служить одной из превентивных мер по части предотвращения венгерского варианта.

Парторганизация ЛОСП поспешила поставить вопрос о работе литературных кружков, деятельность которых долгое время фактически никак не контролировалась и даже не обсуждалась. Выяснилось, что последний раз дискуссия о кружке Библиотечного института, студенты которого участвовали в журнале «Ересь», проходила 8 лет назад! [12, д. 3, л. 109]. Ответственный секретарь ЛОСП поэт А. А. Прокофьев возложил вину на свою организацию: «От самотёка, от нашего забвения серьезности этой работы возникают "неосвежисты", "литфронтотцы"...» [14, д. 307, л. 10].

Вопрос о необходимости усиления воспитательной работы в учебных заведениях был вынесен и на собрание композиторов. Некоторым из них, в частности профессору консерватории М. С. Друскину, было поставлено в вину, что отдельные студенты критиковали советский строй, объявляли соцреализм мифом, сравнивали Пикассо в изобразительном искусстве с Бетховеном в музыке [4, с. 598, 600; 13, д. 7, л. 13, 16].

Перелом в идеологической работе партийных структур (в частности, в их культурной политике) относится к декабрю 1956 г. и связан с рассылкой на места закрытого письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Как представляется, это знаменовало собой возврат к идеологическим устоям досъездовского времени.

Из текста письма следует, что партийное начальство было, прежде всего, озабочено «идейными шатаниями» и «ревизионистскими устремлениями» отдельных творческих деятелей. В партийном документе говорилось: «За последнее время среди отдельных работников литературы и искусства... появились попытки подвергнуть сомнению правильность линии партии в развитии советской литературы и искусства, отойти от принципов социалистического реализма на позиции безыдейного искусства, стали выдвигаться требования "освободить" литературу и искусство от партийного руководства» [4, с. 396]. ЦК отметил и тот факт, что «имели место попытки поставить под сомнение партийные решения по идеологическим вопросам» [Там же]. Как и в постановлениях 1946-1948 гг., были определены конкретные объекты критики: в качестве примера приводились позиции К. М. Симонова и О. Ф. Берггольца.

Обсуждение письма, завершившее идеологическую кампанию 1956 г., проходило в парторганизациях творческих союзов города в начале января следующего, 1957 года. Документ рассматривался властями Ленинграда в качестве инструмента воздействия на местную интеллигенцию. К письму апеллировали и руководители первичных ячеек, стремясь навести порядок в своих организациях. Композиторы и художники критиковали своих коллег, склонных к формализму, а литераторы обрушились на О. Ф. Берггольца. Последняя была вынуждена отправить в ЦК КПСС, Ленинградский обком и партбюро ЛОСП письмо с признанием допущенных ошибок: «Считаю указание, сделанное в мой адрес в закрытом письме ЦК, совершенно правильным, а тот факт, что я выступила по поводу послевоенных постановлений ЦК по искусству на беспартийном собрании литераторов, считаю своей ошибкой» [1, с. 620].

Таким образом, к концу 1956 – началу 1957 гг. отчётливо проявился раскол в среде художественной интеллигенции; обозначилось противостояние консерваторов, вооружённых тезисами из письма ЦК КПСС, с одной стороны, и менее ортодоксальных творческих деятелей, апеллировавших к решениям XX съезда – с другой. Наиболее острое противостояние обнаружилось в писательской организации.

Список литературы

1. Аппарат ЦК КПСС и культура: 1953-1957: документы / отв. ред. В. Ю. Афиани. М.: РОССПЭН, 2001. 807 с.
2. Гранин Д. А. Интелегенды: статьи, выступления, эссе. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. 595 с.
3. Гранин Д. А. Причуды моей памяти. М.: Центрполиграф, 2009. 442 с.
4. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: документы / отв. ред. К. Аймермахер. М.: РОССПЭН, 2002. 912 с.
5. Дудинцев В. Д. Между двумя романами // Нева. 2000. № 1. С. 6-98.
6. Лурье Л., Малярова И. 1956 год: середина века. СПб.: Нева, 2007. 440 с.
7. Мархасёв Л. С. Белки в колесе: записки из Дома радио. СПб.: Лики России, 2004. 280 с.
8. Серебровская Е. П. Между прошлым и будущим: записки свидетеля: в 2-х ч. СПб., 1995. Ч. 2. 133 с.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 94.
10. Там же. Оп. 96.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. 2239. Оп. 3.
12. Там же. Ф. 2960. Оп. 6.
13. Там же. Ф. 6150. Оп. 2.
14. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 371. Оп. 1.

THE XXTH CONGRESS OF THE COMMUNIST PARTY OF THE SOVIET UNION AND LENINGRAD ARTISTIC INTELLECTUALS

Aleksandr Borisovich Fetyukov
Department of Russian History
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
alexandr.rus@mail.ru

The author researches the mutual relations of authorities and artistic intellectuals of Leningrad under the new conditions which formed after the XXth congress of the Communist Party of the Soviet Union, comprehensively characterizes the first attempts of creative figures to rethink former cultural-ideological guidelines and to expand the subject matter of their works and considers the counter-measures undertaken by party management with the purpose of "calling to order" some figures of literature and art and also the new methods of intellectuals' mobilization for the solution of cultural-ideological tasks.

Key words and phrases: the XXth congress of the Communist Party of the Soviet Union; cultural policy; artistic intellectuals; creative unions; Writers' Union; Artists' Union; Composers' Union; N. S. Khrushchev; D. A. Granin; O. F. Berggol'ts; V. K. Ketlinskaya.